

Доклад Конституционного Суда Российской Федерации на Международной конференции «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности»

20 мая 2026 года, г. Санкт-Петербург

«Конституционный контроль в условиях глобальных вызовов. Доктрина и методология»

*Валерий Дмитриевич ЗОРЬКИН, Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации*

1. Неизменность цели – охрана Конституции

Цивилизация права, которую так долго строило человечество ценой огромных жертв, методом кровавых проб и страшных ошибок, сейчас хрупка как никогда. Не будет преувеличением сказать, что она находится в условиях борьбы за свое выживание: концентрация грубой риторики, не имеющей ничего общего с культурным, правовым, цивилизованным диалогом, с фундаментальными международно-правовыми принципами суверенного равенства государств и сотрудничества, отраженными в Уставе ООН, нарастает; маховик взаимного обмена ограничительными мерами продолжает раскручиваться; растут террористические угрозы; развитие цифровых технологий приносит вместе с удобствами и благами огромные риски для личной, общественной и государственной безопасности; вскрываются чудовищные по своим масштабам коррупционные схемы и махинации.

В этих чрезвычайно непростых и быстро меняющихся условиях **цель конституционного правосудия остается неизменной – осуществляющий его Конституционный Суд продолжает в пределах своих полномочий охранять Конституцию** на основе ее самой, можно сказать, обеспечивая ее самозащиту.

Как показала практика, охранный потенциал российской Конституции, позволяющий нашему государству **правовым путем** справляться с самыми незаурядными вызовами и сложнейшими испытаниями, не только был велик изначально, но и прозорливо и своевременно дополнительно был укреплен в ходе конституционной реформы 2020 года (благодаря которой в тексте Основного Закона эксплицитно были закреплены среди прочего принципы взаимного доверия государства и общества, солидарности, сбалансированности прав и обязанностей, уважения человека труда, защиты исторической правды, единства публичной власти, недопустимости вмешательства во внутренние дела государства и др.). Практика Конституционного Суда подтверждает актуальность и востребованность внесенных в Конституцию изменений.

Конституция давала и продолжает давать ответы на нетривиальные

вопросы о том, как (какими способами и средствами) следует обеспечивать единство, отвечать на террористические угрозы, бороться с коррупцией, справляться с пандемией и преодолевать санкции. По всем этим вопросам есть постановления Конституционного Суда России.

Недобросовестные, неправовые, порой жестокие и даже бесчеловечные, варварские действия как отдельных лиц, так и тех сил, которые за ними стоят, вынуждают нашу страну реагировать и защищаться.

В то же время **защитные меры предпринимаются и реализуются в границах права**. Здесь может возникнуть вопрос: почему на антиправовые, на агрессивные и даже на безумные действия нужно отвечать именно правовыми средствами?

Прежде всего, к правовым ответам обязывает наша Конституция. России всегда было важно, а на данном этапе своего исторического развития – особенно важно сохранить свою идентичность, свои ценности, к которым, несомненно, относятся гуманизм, уважение человека, его жизни и достоинства, его прав и свобод.

Но есть и еще одно обстоятельство. Ситуативно неправоые средства, возможно, могут показаться более действенными и эффективными. Но системно они не способствуют преодолению тех хаотизации и турбулентности, в которых сейчас находится человечество. Для этого нужно идти по пути развития правовой, социальной и политической культуры человечества. Это путь подавления эгоизма (и личностей, и стран) и нахождения разумного баланса между индивидуальным и коллективным (всеобщим). Он невозможен без воспитания на основе уважения к интересам каждого другого субъекта правоотношений и всех субъектов правоотношений в целом. По большому счету, это путь к цивилизации права, проходя который, важно заставлять себя оставаться в пределах правовых средств. Этот путь еще предстоит проходить и в правовых системах каждой страны, и в международном праве.

При этом есть такие проблемы, которые человечество должно решать совместно, и есть такие ситуации в международных отношениях, которые, если не ввести их в правовые рамки, чреваты гибелью человечества. Именно это дает шанс обновления международного права, находящегося сейчас, как мы все знаем, в кризисном состоянии. Но в любом случае это непростой путь и, видимо, не быстрый. Поэтому возникает вопрос: как обеспечивать функционирование международно-правовых механизмов сейчас?

С одной стороны, еще некоторое время назад я исходил из того, что международная система, построенная на балансе сил, сегодня контрпродуктивна и невозможна как с точки зрения приоритета прав человека, так и с точки зрения обеспечения устойчивой глобальной безопасности. С другой стороны, за последние пять лет разбалансировка правовых ценностей в международных отношениях пошла по тому пути, что очевидно, что без баланса сил в международном контексте международно-неправовой «беспредел» поглотит человечество, создаст хаос.

Поэтому в современных условиях не остается ничего другого, как поддерживать и обеспечивать этот баланс сил, не дать одному центру силы и власти получить глобальное преобладание. Причем это должно быть балансирование сил не с целью «пересилить» других акторов международной политики и с помощью силы «отхватить» что-то в своем интересе, а с целью не дать международной политике окончательно выйти из юридических берегов – хотя бы тех, которые есть.

Видимо, сейчас международное юридическое развитие находится на той примерно стадии, на котором конституционно-правовое развитие находилось в середине 19 века, как ни парадоксально это звучит. На той стадии, когда не устоялись еще основные конституционные ценности, не стала понятна глубокая значимость Конституции. И тогда применительно к Конституции вполне уместны были рассуждения Фердинанда Лассалля: «Итак, господа, мы знаем теперь, что такое конституция страны, а именно: существующие в стране фактические отношения силы. Что же такое то, что обыкновенно называется конституцией? Что такое правовая конституция? Теперь вы сами видите, господа, что это такое. Эти фактические отношения силы записываются на бумаге...». Вряд ли сейчас уважающий себя конституционалист из страны с развитым конституционализмом (включая Россию) подпишет под этими словами: Конституция уже утратила свойство фактического соотношения сил, она сама одна из основополагающих сил, воздействующих через «приводные ремни», такие как, в том числе, органы конституционного контроля, на жизнь общества.

Но вот в международном юридическом регулировании такого свойства «внутренней собственной силы» пока нет. Поэтому сказанное в свое время Лассалем о сущности Конституции вполне уместно, к сожалению, для «международного права» в современном его виде. А значит – приходится пока рассчитывать на сохранение баланса сил, чтобы человечество сохранялось в нормальном состоянии.

Государства, претендующие на участие в этом балансе, должны быть сильными. Но быть сильным государством – это не значит государством безграничной властной воли и произвола. Сильным – значит государством правовым и социальным. Первый аспект очевиден. Социальным же государство должно быть потому, что любая власть черпает свои силы в народе, в его поддержке. Такой народной поддержке неоткуда взяться, если социальное расслоение достигает вопиющих масштабов, когда сытый голодного не разумеет. Укрепление социального характера государства обеспечивается не в последнюю очередь за счет конституционного правосудия, практика которого в России показывает непреходящую значимость соответствующих вопросов для граждан.

2. Развитие доктрины и методологии

Охрана Конституции, осуществляемая в период нарастания глобальных рисков, вызовов и угроз, стимулирует Конституционный Суд к совершенствованию и развитию доктрины и методологии.

Развитие доктрины. Охрана суверенитета от **рисков, которые несет в себе ничем не сдерживаемая глобализация**, потребовала от Конституционного Суда выработки **доктрины конституционной идентичности**. О ней говорилось уже неоднократно, однако хотелось бышний раз подчеркнуть, что Российская Федерация стремится к поиску компромисса между собственными интересами и требованиями, вытекающими из ее международных обязательств, однако определение границ такого компромисса она оставляет за собой, ибо они предрешены ее Конституцией. С учетом этой доктрины в ходе конституционной реформы 2020 года в Конституции были закреплены новые полномочия Конституционного Суда Российской Федерации.

При этом отказ России подчиняться авторитарным устремлениям некоторых наднациональных структур вовсе не означает отказа нашей страны от участия в тех международных организациях, которые построены на принципах суверенного равенства и уважения национальной идентичности. Напротив, поскольку народ Российской Федерации не мыслит себя вне мирового сообщества (преамбула Конституции), Россия продолжает налаживать и укреплять партнерские международные связи, принимая на себя международно-правовые обязательства. Соответствующие международные договоры и соглашения, в том числе в форме кодифицированных актов, по существу заменяющие собой целую отрасль национального регулирования, а также международные стандарты принимаются во внимание Конституционным Судом России при выявлении действительного смысла положений российского законодательства. В частности, за последние несколько лет Конституционный Суд обращался к актам ЕАЭС для разрешения вопросов, связанных с привлечением к ответственности за недостоверное таможенное декларирование и с определением страны происхождения ввозимого товара.

В контексте противодействия антиправовым, принятым – вопреки нормам и принципам, закрепленным в Уставе ООН, – в одностороннем порядке **недружественным мерам западных государств**, Конституционный Суд, продолжая охранять Конституцию, выработал казалось бы простую, но при этом весьма глубокую и емкую общую правовую позицию, которая легла в основу уже не одного его решения: в условиях установления иностранным государством в ненадлежащей международной процедуре и в противоречии с многосторонними международными договорами, в которых участвует Россия, ограничительных мер против нее и ее хозяйствующих субъектов, **деятельность органов публичной власти, исходя из статей 2, 18 и 75¹ Конституции, не должна усугублять правовое и фактическое положение российских граждан и организаций, затронутых соответствующими санкциями**; более того, самой приемлемой и ожидаемой реакцией органов власти является принятие решений, направленных на содействие таким лицам, как попавшим в тяжелую ситуацию из-за противоправных, по сути, обстоятельств.

Еще одной угрозой цивилизации права, несомненно, является **коррупция**. Не обошла эта беда и нашу страну. Борьба с коррупцией является одной из ключевых задач современной России, ведь любая другая дорога неизбежно ведет к распаду государственных структур, то есть в пропасть бесправия и беззакония.

Как подчеркнул Конституционный Суд в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П, коррупция в силу своего разрушающего воздействия и вреда, причиняемого обществу и государству, по своей сути представляет собой конституционный деликт, то есть такое нарушение, которое посягает на основы конституционного строя России. Коррупция ослабляет действие Конституции и законов, делает публичную власть уязвимой, наносит сильнейший удар по доверию граждан к государству, нарушает нормы морали и нравственности, принципы равенства и справедливости. Тем самым коррупция, порождая риски обрушения ослабленных ею государственно-правовых механизмов и неспособности государства исполнить свою ключевую функцию, которая заключается в защите прав и свобод, представляет собой **исключительную угрозу конституционному правопорядку и суверенитету**. А ответ на риторический вопрос «*qui prodest?*» (кому выгодно?) достаточно ясен: только внешним силам, затаившимся в ожидании неверного выбора, а то и содействующим этому скрытно или вполне открыто.

Антагонизм правового суверенного государства и коррупции очевиден. Однако проблема заключается в том, что не всегда очевидна сама коррупция. Ее неизменные спутники – это хитрость и обман, ее качества – это способность к камуфляжу, латентность, скрытность. В попытке уйти от ответственности коррупционеры маскируют свои противоправные действия, оформляют имущество на других лиц и тому подобное.

Констатируя в названном Постановлении, что общие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности и правила их течения к антикоррупционным искам прокуроров неприменимы как не позволяющие учесть особенности коррупционных деяний, Конституционный Суд пришел к выводу, что в действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи антикоррупционных исков прокуроров, считается неустановленным. Такое положение вещей соответствует Конституции, а ограничение антикоррупционных требований сроками исковой давности, напротив, означало бы, что, вопреки существующей в силу Конституции обязанности государства принимать эффективные меры по противодействию коррупции, по истечении некоторого срока – такого же, как установлен для случаев, не связанных с проявлением коррупции, – государство отказывается от защиты основ конституционного строя и правовой демократии.

Необходимость укрепления суверенитета государства – не только через борьбу с коррупцией, но также и через эффективное принуждение к исполнению публично-правовых обязанностей, в частности, фискальных – в

период нарастающих вызовов и угроз обуславливает поиск порой нестандартных решений, при которых задействуются как публично-правовой инструментарий, так и те механизмы защиты интересов, которые традиционно причислялись к частноправовым. С одной стороны, Конституционный Суд признавал и продолжает признавать большое значение унаследованного еще со временем пандектистов (трудами которых догматический характер был придан учению выдающегося римского юриста Ульпиана) деления права на публичное и частное и на различные отрасли, обеспечивающего предсказуемость правопорядка и повышающего тем самым определенность правового положения всех субъектов права. С другой стороны, догматика права может обновляться и корректироваться усилиями законодателя вслед за потребностями и нуждами правопорядка, адаптироваться к ним. И даже привычная дихотомия частного и публичного права может нуждаться в обновлении с тем, чтобы в отдельных случаях допустить «полутона». Задачей конституционного контроля в этом случае является выявление разумного баланса между неоправданно строгим консерватизмом и столь же неоправданно несдержанной модернизацией.

Естественно, приведенными примерами и аспектами не ограничивается доктринальный характер постановлений Конституционного Суда Российской Федерации. Многие из них вносят свой вклад, иногда определяющий, в развитие общеправовой, межотраслевых и отраслевых доктрин.

О нахождении баланса конституционных ценностей. Защищая себя, свою безопасность, свой суверенитет и, тем самым, своих граждан, государство должно использовать для этого только разумные и строго необходимые меры (часть 3 статьи 55 Конституции). Кроме того, когда речь идет о конкуренции законных интересов частных лиц, это подпадает под действие конституционных принципов осуществления права без нарушения прав других лиц (часть 3 статьи 17 Конституции) и политической, экономической и социальной солидарности (статья 75¹ Конституции). Задача Конституционного Суда как раз и состоит в поиске на основе приведенных формул баланса конституционных ценностей. Это одновременно и предмет, и основной элемент методологии деятельности Конституционного Суда.

От критиков Конституционного Суда нередко приходится слышать, что Суд выносит решения в угоду складывающейся политической конъюнктуре, что за балансом конституционных ценностей он маскирует обслуживание интересов государства и власть имущих. По их мнению, для решения любых конституционно-правовых конфликтов и споров есть только один ответ – человек, его права и свободы являются высшей ценностью (статья 2 Конституции). Поэтому любая мера, которая, по их мнению, плохо соотносится с этой максимой, является антиконституционной – «и нечего здесь обсуждать».

Не отрицая непреходящей концептуальной значимости приведенной нормы (которая легла в основу множества решений Конституционного Суда), такого рода критикам хотелось бы порекомендовать открыть Конституцию и

прочитать ее хотя бы чуть дальше второй статьи. Сделав это, они обнаружат, к примеру, что Конституция, с одной стороны, провозглашает рыночную экономику и свободу экономической деятельности, а с другой стороны, объявляя наше государство социальным, обязывает работодателей, не исключая, конечно же, и частных хозяйствующих субъектов, платить зарплату не ниже минимального размера и обеспечивать достойные условия труда, а кроме того, не допускает монополизации и недобросовестной конкуренции; с одной стороны, гарантирует идеологическое многообразие, а с другой, прямо запрещает идеологию национальной, религиозной и иной ненависти и вражды; с одной стороны, защищает неприкосновенность частной жизни, а с другой, допускает, к примеру, ограничение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений с санкции суда. Конституционный текст соткан из целого комплекса ценностей, каждая из которых нуждается в обеспечении. Как иначе, кроме как путем поиска баланса, претворять Конституцию в жизнь, обеспечивая защиту каждого гарантируемого ею интереса? Недопустимо защищать одни интересы, полностью игнорируя при этом другие, если, конечно, заявленный кем-то интерес не является мнимым, не имеющим конституционно-правовых оснований. Это также устанавливается в процессе конституционного судопроизводства, в том числе на этапе решения вопроса о возможности принятия обращения к рассмотрению, и является основанием для отказа в удовлетворении конституционных притязаний.

При этом точка равновесия в балансе действительно может быть подвижной, а граница соразмерности, в зависимости от степени угроз, может меняться: меры, недопустимые в одних условиях, могут быть допустимыми в других. Это обусловлено тем, что конституционные нормы, как и любые другие нормы, не существуют в вакууме – они живые и всегда реализуются и применяются в определенном социально-историческом контексте, который нельзя не учитывать при толковании конституционного текста.

Именно применительно к вопросу о поиске баланса конституционных ценностей возникает вопрос, можно ли рассматривать в качестве прикладного инструмента работы в этой сфере искусственный интеллект. Конечно, речь не идет о том, чтобы он принимал решение вместо органа конституционного правосудия, – это само собой исключается. Но вот сможет ли он, условно говоря, давать некоторое сырье для дальнейших размышлений, например, описывая различные аспекты баланса и предлагая некую оценку их «условному весу» для поиска решения?

В принципиальном плане, с учетом постоянно появляющейся информации об успехах ИИ, этого, наверное, нельзя исключать. Ведь для чего, в частности, предусмотрено принятие органами конституционного правосудия решений в составе достаточно больших коллегий? Для того чтобы уж точно кто-то из судей вспомнил про какую-то грань баланса в отношениях, регулируемых оспариваемой нормой, про которую забудут все остальные, чтобы потом все вместе ее оценили и осмыслили. Чем плохо, если

будет использован инструмент, позволяющий – страховочно и вспомогательно – выявлять и раскрывать грани баланса?

Конечно, для этого должен быть решен ряд проблем. Во-первых, обучение системы ИИ методологии выявления граней баланса и их оценки. Наверное, недостаточно просто «вливать» в систему все решения Конституционного Суда, нужны дополнительные обучающие действия. Причем чем лучше система поймет, что от нее требуется универсальным образом, чем меньше будет сложностей при подготовке для нее промптов, то есть заданий, команд. Во-вторых, это должна быть система, при которой собственно операции по осмыслению баланса проводятся в закрытом контуре, ведь это, по существу, элемент совещательной комнаты, но при этом тематическая подкачка информации, позволяющей выявить и оценить грани баланса, осуществляется из широкого круга источников – по сути, из всего пространства Интернета. Строго говоря, только при таком сочетании закрытого осуществления операций и широкого доступа к источникам информации использование ИИ для оценки баланса будет иметь какой-то смысл.

При этом, как представляется, есть еще одно важное психологическое условие использования ИИ в конституционном судопроизводстве. Судьи должны относиться к его попыткам отразить аспекты баланса с некоторой доброй иронией, а не преклоняться перед «сверхразумом». Именно взгляд на ИИ немножко «сверху вниз», если он все-таки когда-нибудь будет использоваться при осуществлении конституционного правосудия, является залогом того, что решение все-таки будут принимать судьи, а не технология.

3. Остаться в границах нормоконтроля

В России предусмотрена, напомним, нормативная конституционная жалоба. Это означает, что граждане вправе, заявляя о нарушении своих конституционных прав, оспаривать в Конституционном Суде только нормы права. Тем самым четко разграничиваются функции Конституционного Суда и иных судов, что позволяет избежать опасного антагонизма между ними, поддерживать единство судебной системы, обеспечивать правовую определенность. Кроме того, во всяком случае применительно к традициям нашей правовой системы, тем самым достигается наибольший полезный эффект решений органа конституционного контроля, поскольку содержащиеся в них правовые позиции и выводы, по существу, имеют нормативный характер и очевидным образом подлежат распространению на все подобные дела и споры.

Нормоконтрольная природа конституционной юстиции однако не означает, что Конституционный Суд проверяет нормы абстрактно, изолированно, анализируя исключительно их текст. Напротив, как это прямо предписывает Закон о Конституционном Суде (часть вторая статьи 74), Конституционный Суд оценивает нормы не только по их буквальному смыслу, но и по смыслу, придаваемому им официальным или иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или

сложившейся правоприменительной практикой.

Как показывает статистика, достаточно большая часть решений Конституционного Суда не дисквалифицирует нормативные предписания, а дает их конституционное истолкование, то есть определяет их правильное с точки зрения Конституции понимание. Это иногда дает повод для суждений о том, что Конституционный Суд «выполняет чужую работу», становясь своеобразной «дополнительной надзорной инстанцией», вступающей в рассмотрение дела после Верховного Суда. Такого рода взгляд не только не соответствует нормативному регулированию, но и не находит подтверждения на практике.

Конституционное истолкование вовсе не означает, что Конституционный Суд исправляет ошибки, допущенные судами при разрешении конкретных дел заявителей. А если точнее, то, что истолкование норм в конкретном деле отличается от данного в последующем конституционного истолкования, не свидетельствует, как ни парадоксально, само по себе об ошибке судов при рассмотрении конкретного дела.

Нередко нормативные тексты содержат в себе сложные взаимосвязи, нуждающиеся в раскрытии для выявления их действительного смысла, а порой нормы и попросту не лишены разного рода юридико-технических недостатков (неточностей, неясностей, рассогласованности и т.п.). В связи с этим буквальное, если угодно, формальное применение этих норм может приводить (или даже неизбежно приводит) к нарушению прав лиц, попавших под соответствующее регулирование. С одной стороны, в таких случаях суды, имея в виду их функцию по защите и обеспечению конституционных и всех иных прав (статьи 18 и 46 Конституции России), призваны предотвращать и разрешать возможные коллизии, исправлять юридико-технические огрехи всеми доступными им средствами судебного толкования – грамматического, системного, телеологического и исторического. Ведь, несмотря на то, что российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, для которой характерно восприятие в качестве ведущего источника права нормативного акта и, напротив, в отличие от право порядков, принадлежащих к семье общего права, не свойственно признание нормативных свойств за судебными решениями (прецедентами), роль судебного толкования все же весьма велика. В идеальной модели, даже если норма сама по себе не лишена каких-то недостатков, на практике она в результате указанных усилий судов может применяться таким образом, что конституционные права ее применением не нарушаются, а основания для вмешательства Конституционного Суда отсутствуют, раз уж ресурсов ординарной интерпретационной судебной деятельности оказалось вполне достаточно для защиты конституционных прав.

С другой стороны, идеальная модель не всегда срабатывает. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды в основном нацелены на применение закона на основе установления фактов. Совершенно оправданно, что в романо-германской системе в их «базовые настройки» не заложено

сопоставление всякий раз каждой применяемой нормы с Конституцией. Причем дело здесь не в их «уровне» или «качестве» – они как раз достойны всяческого уважения. А в том, что их предназначение – разрешение дел на основе закона. Хотя и «эффекта колеи» в их деятельности тоже нельзя исключать.

А вот перед Конституционным Судом вопрос о соотношении нормы с Конституцией ставится конкретно – он прицельно исследует этот вопрос, причем априори свободен от «эффекта колеи» в понимании нормы. Поэтому нет оснований удивляться (и, повторюсь, упрекать в связи с этим другие суды) тому, что Конституционный Суд увидел основания для конституционного истолкования нормы там, где другие суды такового не заметили. Он для того и задуман как особый инструмент, чтобы выполнять такую страховочную, субсидиарную функцию.

Учитывая все это и придерживаясь указаний Конституции (пункт «а» части 4 статьи 125) и Закона о Конституционном Суде (пункт 3 части первой статьи 3, статья 96), из которых следует, что допустимыми признаются жалобы на нарушение конституционных прав **именно нормой права** (а не ошибкой ее толкования, допущенной судом и не исправленной вышестоящими инстанциями), а кроме того, руководствуясь принципом конституционной сдержанности, лежащим в основе конституционного правосудия, Конституционный Суд как правило не признает допустимыми жалобы, анализ которых показывает, что в деле заявителя судами была допущена ошибка в толковании применяемых норм, притом что в целом, в большинстве других дел норма трактуется верно. Единичные правоприменительные ошибки сами по себе еще не свидетельствуют – за некоторыми исключениями, о которых будет сказано далее, – о неконституционности самой применяемой нормы или о потребности в ее конституционном истолковании Конституционным Судом.

Корректировка правоприменения по жалобам на нарушение конституционных прав осуществляется Конституционным Судом тогда, когда сложившаяся либо складывающаяся практика настолько тесно окутывает оспариваемую норму, настолько прочно примыкает к ней, что сама эта устойчивая практика, по сути, становится неотъемлемым аспектом оспариваемой нормы, даже самой нормой. В таком случае появляются все необходимые основания для конституционного нормоконтроля. При этом никакого выхода за пределы полномочий не происходит – Конституционный Суд остается строго в рамках своей компетенции **по нормоконтролю**, выступая в качестве органа, призванного охранять Конституцию и ее верховенство во всем правовом пространстве и защищать права и свободы граждан от неконституционного правового регулирования.

Конституция и отраслевое законодательство органически, системно взаимосвязаны: Конституция живет в законах, в которых раскрываются и продолжают предписания Конституции (Основного Закона), имеющего всеохватывающий, беспробельный характер. Поэтому любые устойчивые

ошибки в толковании отраслевых норм приводят, в конечном счете, к блокированию действия норм и гарантий самой Конституции, как минимум к нарушению права на справедливое судебное разбирательство. В этой связи Конституционный Суд, имея в виду его функцию по защите прав и свобод человека и гражданина (часть 1 статьи 125 Конституции), призван включаться в работу по налаживанию звучания норм отраслевого законодательства по конституционному камертону.

Что касается исправления ошибок конкретных судов, то, действительно, часть вторая статьи 74 Закона о Конституционном Суде позволяет Конституционному Суду оценивать норму с учетом не только сложившейся правоприменительной практики, но и практики ее толкования в *решениях по конкретному делу*. Однако этим своим «секретным оружием» Конституционный Суд, руководствуясь принципом конституционной сдержанности, пользуется очень осторожно и в исключительных случаях. Как правило, случаи эти либо так или иначе сопряжены с несоблюдением правовых позиций Конституционного Суда, либо связаны с отсутствием какой-либо сложившейся правоприменительной практики по норме, что подразумевает риск того, что случившееся в конкретном деле правоприменение станет практикообразующим. Оценка этого риска производится Конституционным Судом в каждом конкретном случае с учетом тщательного изучения судебных актов по делу заявителя, анализа имеющихся конкретных социально-исторических условий, мониторинга доктрины и практики.

О временном нормозамещении при нормоконтроле. Некоторое смещение «центра тяжести» в практике Конституционного Суда на конституционное истолкование в то же время не означает, что Конституционный Суд отказывается от признания норм неконституционными – этот вариант итогового решения был и остается значимым и достаточно распространенным. Конституционный Суд признает нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации, если приходит к выводу о том, что выявление конституционно-правового смысла оспоренных положений не может привести к устранению содержащегося в них конституционно-значимого дефекта. В Постановлении от 23 марта 2026 года № 16-П со ссылкой на практику Конституционного Суда отмечается, что в правовой системе Российской Федерации в настоящее время практически не встречаются случаи, когда неконституционной является норма в целом: в абсолютном большинстве случаев в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, которыми норма признается неконституционной, речь идет лишь об отдельных проявлениях (аспектах) неконституционности.

Признание нормы неконституционной порождает обязанность законодателя (или иного правотворческого органа – в зависимости от того, какой нормативный акт оспаривался) внести изменения в действующее регулирование. Это, однако, всегда занимает определенное время, в течение

которого имеются предпосылки для возникновения своеобразной «патовой ситуации»: норма в прежнем виде действовать не может, а новых правил пока нет. При этом, как отмечал Конституционный Суд в указанном Постановлении, с учетом особенностей общественных отношений, являющихся предметом регулирования оспариваемой в порядке конституционного судопроизводства нормы, может оказаться невозможным отложение принятия правоприменительных решений до того, как это правовое регулирование будет изменено, без ущерба для охраняемых Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя, прав и свобод личности.

Во избежание такой ситуации Конституционный Суд использует предусмотренное Законом о Конституционном Суде право определить порядок, сроки и особенности исполнения своего решения (пункт 12 части первой статьи 75). К таким относятся и условия применения нормативного положения, признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации, до внесения надлежащих изменений в законодательство. Например, в 2025 году они представлены во всех 16 постановлениях, во исполнение которых должны быть внесены изменения в правовое регулирование.

Их конкретное содержание зависит от содержания признанных неконституционными норм и оснований их признания таковыми. Соответствующие позиции являются неотъемлемой частью постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, фиксируются в их резолютивной части.

Конечно, это вызывает объяснимые дискуссии: может ли Конституционный Суд осуществлять не только негативное нормотворчество (признавать норму неконституционной), но и такого рода позитивное. Сам Конституционный Суд исходит из того, что он не присваивает себе полномочия других государственных органов по установлению правовых норм, а реализует – в рамках установленного в статье 10 Конституции Российской Федерации принципа разделения властей – собственную судебную компетенцию (это отмечено в вышеуказанном Постановлении). Во всяком случае, эта модель действий более приемлемая, чем появление пробела в правовом регулировании. Тем более, что внесение законодателем или иным правотворческим органом в правовое регулирование необходимых изменений исчерпывает действие указанных в постановлении Конституционного Суда временных условий применения нормативного положения, признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации.

«Отбор» дел для рассмотрения. Отличительной особенностью конституционного судопроизводства, осуществляемого только Конституционным Судом Российской Федерации, является наличие в нем уникальной по своим целям и задачам стадии предварительного изучения обращения. Методами «предпроверочного анализа» Конституционный Суд

(его Секретариат и судьи) проводит комплексную первичную оценку поставленной в обращении проблемы: выявляются системные взаимосвязи оспариваемых нормативных положений с другими нормами, проводится доскональный анализ правоприменительной практики, запрашиваются мнения уполномоченных (профильных) органов или организаций, исследуются доктринальные позиции (в том числе предоставленные компетентными специалистами по запросу самого Суда). Обращается Конституционный Суд и к публикациям в средствах массовой информации и иных информационных ресурсах, результатам опроса общественного мнения, поскольку общественное восприятие того или иного регулирования позволяет среди прочего оценить, насколько декларируемая законодателем или иными официальными лицами цель его принятия действительно достигается, нет ли признаков избыточности (несоразмерности) предусмотренных нормой ограничений, достаточно ли ясны и понятны для граждан и организаций соответствующие законоположения. Обобщив и осмыслив полученные по результатам предварительного изучения обращения данные и сведения, Конституционный Суд задается вопросом о том, имеется ли неопределенность в вопросе о соответствии оспариваемой нормы Конституции. Иными словами, имеются ли основания подозревать дефектность нормы, ее неконституционность.

Столь осторожный, тщательный, скрупулезный подход Конституционного Суда к «отбору» обращений, требующих разрешения посредством принятия итогового решения, обусловлен комплексом взаимосвязанных объективных факторов, среди которых вытекающие из принципов правового государства, разделения властей и правовой определенности (статьи 1, 10 и 19 Конституции) процессуальные (конституционно-судебные) презумпции добросовестности законодателя и конституционности оспариваемых норм, а также принцип конституционной (разумной) сдержанности.

Изначальное предположение о неконституционности проверяемой нормы разрушает необходимое для нормального функционирования любой правовой системы доверие к закону и государству и рискует обернуться выходом Конституционного Суда за пределы своих полномочий. В этом состоит политико-правовое обоснование презумпции конституционности и добросовестности законодателя. Но есть у нее и фактические, эмпирические основания: изучая более 10 тысяч обращений ежегодно, Конституционный Суд только по полусотне из них принимает постановления, в которых констатируется, что в оспоренной норме действительно имеется конституционно значимый изъян.

В этой связи, предполагая конституционность оспариваемых норм, Конституционный Суд не спешит с тем, чтобы принять обращение к рассмотрению и тем самым официально «объявить» норму потенциально неконституционной: сначала нужно внимательно рассмотреть норму со всех сторон, и только затем, обнаружив первичные признаки конституционного

неблагополучия, имеет смысл перейти к полноценному судебному разбирательству.

Следовательно, еще одной **методологической особенностью конституционно-судебного контроля** можно счесть **высокое значение предварительного исследования поступающих в Конституционный Суд обращений**, которое, будучи весьма тщательным и скрупулезным, позволяет Конституционному Суду в полной мере раскрывать свой потенциал и эффективно затрачивать имеющиеся ресурсы. Такой подход наилучшим образом соотносится с принципами разделения властей и правовой определенности.

При отборе дел нередко, особенно в последнее время, возникает необходимость соотнесения перспективы принятия жалобы заявителя к рассмотрению с тем, что другие суды, после того как средства судебной защиты заявителем были исчерпаны (как правило – принято определение судьи Верховного Суда об отказе в передаче жалобы для рассмотрения в заседании судебной коллегии) и он обратился в Конституционный Суд, возвращаются к делу заявителя, причем с намерением восстановить его права. С одной стороны, можно только порадоваться в этом случае за заявителя, права которого будут восстановлены быстрее, и не рассматривать дело, если жалоба еще не принята к рассмотрению (для принятых к рассмотрению жалоб часть вторая статьи 68 Закона о Конституционном Суде прямо указывает на невозможность прекращения производства в случае пересмотра дела заявителя). С другой стороны, по ряду оснований продолжение при таких обстоятельствах Конституционным Судом обычного хода производства по жалобе может оказаться предпочтительным.

Только Конституционный Суд может дать оценку конституционности закона. Суды же связаны законом и не могут отказаться его применять, ссылаясь на его неконституционность. Когда правовая проблема уже дошла до Конституционного Суда, попытка пересмотреть дело до его решения не работает на авторитет судебной системы, поскольку ранее суды – пока заявитель исчерпывал средства судебной защиты – не усматривали оснований для иного разрешения его дела, а после подачи жалобы в Конституционный Суд вдруг поменяли свое мнение. Торопясь с пересмотром на фоне производства по жалобе в Конституционном Суде, соответствующая инстанция фактически признает, что раньше – на основе тех же нормативных предписаний – суды принимали ошибочное решение.

Пересмотр после вынесения постановления Конституционного Суда, напротив, позволяет им сохранить лицо. Статья 120 Конституции обязывает их следовать не только Конституции, но и закону, а поскольку в правовой системе России явные проявления неконституционности законов и иных нормативных актов практически отсутствуют, судам, как отмечалось, в упрек не может быть поставлено то, что в текущей деятельности они не усмотрели конституционно значимую проблему, которую Конституционный Суд увидел, только «прицельно» рассматривая данный вопрос при поступлении

соответствующего обращения.

При этом, конечно, в правовой системе не исключены случаи, когда именно в норме содержится хоть точечный, но состоящий в ее неконституционности дефект. Тогда пересмотр дела до вынесения постановления Конституционного Суда может привести к тому, что решение будет принято в пользу заявителя, но вопреки буквальному содержанию нормы. При этом нет гарантий воспроизведения этого – более ориентированного на Конституцию, чем буквально следует из нормы – подхода в других делах, что может повлечь разноречивую судебную практику, а соответственно, снижение доверия к правовой и судебной системам.

Не будем забывать и о необходимости обеспечения системности правового регулирования, в том числе как о важной гарантии прав и законных интересов участников правоотношений. Очевидно, что для любого пользователя правовой нормой значительно удобнее, когда весь смысл нормы сосредоточен в ее буквальном содержании. Именно на это, кстати, направлена статья 80 Закона о Конституционном Суде, в которой прописаны обязанности и сроки внесения необходимых изменений в нормативное регулирование на основании постановлений Конституционного Суда. Когда же смысл нормы распределен между ее буквальным содержанием и относящимися к ней прецедентами, это может быть на пользу только узкоспециализированным юристам, но никак не большинству участников правоотношений.

Конституционный Суд, таким образом, включен в механизм защиты человека, общества и государства от нарастающих угроз и новых вызовов. Его роль в этом механизме – охрана Конституции, контроль, необходимый для того, чтобы защитные меры, будучи целесообразными, не выходили за пределы строгой необходимости, оставались эффективными, но при этом гуманными, были в меру жесткими, но не жестокими, то есть оставались в границах права как меры должного и справедливого.